

Запомните меня таким

Евгения и Илья Халь

Вы, мужчины, читающие эти строки, ответьте на мой вопрос: отражались ли вы когда-нибудь в глазах женщины? Я имею в виду, отражались ли вы в них полностью, без остатка, без житейской суеты и обычного самолюбования, как опрокинутое небо отражается в глазах пилота пикирующего бомбардировщика? Да? Вы лжете сами себе! Там, в таинственной глубине зрачков, кроме вашего образа живут неоплаченные счета, завистливые подруги, несбывшиеся мечты. Лишь немногие из нас действительно отражаются в их глазах. И я — один из таких счастливиц. И чем больше радости и доверия, тем тяжелее врать любимой женщине. Но иногда это просто необходимо.

Маша всегда терпеливо ждала моего возвращения из командировок, никогда не спрашивая, где меня носило. А я никогда не рассказывал, потому что моя работа похожа на жизнь крота: так же терпеливо копаю подземные ходы. Паспорта и имена я меняю чаще, чем модница — платья.

Прилетев в Москву за сутки до нашей с Машей последней встречи, я не позвонил ей, лишь отправил эсэмэску: «Возвращаюсь завтра. Встречай в аэропорту». В моем распоряжении было ровно двадцать четыре часа, чтобы найти переводчика-эмпатика, способного выполнить необходимую работу.

Бюро переводов лихорадило от предновогодней суеты. Посетители разделились на две очереди: слева змеилась многочисленная и гудящая, она тянулась к конторке, за которой стоял переводчик-художник. В очереди справа стояли всего несколько человек. Даже не читая табличку на конторке, я мог бы догадаться, что хрупкая и очень серьезная девушка — переводчик-эмпатик. Простой переводчик, без художественных навыков. Я заранее навел справки, но все равно нужно было убедиться воочию, что она действительно может мне помочь.

Высокий широкоплечий мужчина шагнул к девушке и с приятной готовностью протянул ей руки.

— Для кого перевод? — спросила девушка.

— Для жены. — Мужчина, слегка прищурившись, взглянул на табличку с именем девушки: — Наденька, ты это...забацай, как надо, а? Я отблагодарю! А то мне жена вообще мозг проела: ты меня не любишь, не ценишь, у всех подружек мужики как мужики, один ты — Кинг-Конг бесчувственный. И теща довольная, змеюка, исподтишка косяка давит: мол, говорила я, что нельзя эту дворнягу в дом пускать. Дворняга — это я, — уточнил здоровяк.

— Это не от меня зависит, а от вас, — сухо отчеканила Надя. — Может быть, вам стоит обратиться к переводчику-художнику? Юра, — сказала она парню за соседней конторкой, — примешь моего клиента без очереди?

— Нет, не хочу я художественный перевод. Он ненастоящий — это сразу видно! — горестно вздохнул мужчина.

— Неправда! — возмутился Юра. — У меня все подлинное, хоть пробу ставь! Комар носа не подточит, или теща — зуб!

— Ладно, — махнул рукой мужчина, — давай, Надя, попробуем, а там видно будет.

— Думайте о вашей жене, — Надя взяла мужчину за руки,

ФАНТАСТИКА

закрывает глаза, — не думайте о том, как вы ее любите. Представьте ее цветком, птицей или...

Она не успела договорить — в воздухе появилось серое облачко. Люди из обеих очередей затаили дыхание. Облачко качнулось, потемнело, и из него посыпались грязно-серые сухие колючки.

— Ну, елки! — вскричал мужчина. — Ну просил же тебя! Как человека просил!

— Что вы от меня хотите? — с обидой выкрикнула Надя. — Я лишь перевожу ваши мысли. Я — эмпатик, а не волшебница!

— Слышь ты, — мужчина вплотную придвинулся к хрупкой девушке, — я сейчас всю вашу контору спалю к чертям собачьим! Мне начхать!

— Эй, остынь! — Юра перемахнул через конторку и встал перед здоровяком, загораживая собой Надю. — Ты чего к девушке пристал? Я сейчас тебе все сделаю в лучшем виде! Давай руки! — Он взял мужчину за руки, закрыл глаза. — Ты о чем угодно думаешь, только не о жене и цветах, — недовольно пробурчал он.

— Так я...

— Тихо! — Юра слегка покачнулся, и в воздухе появилось радужное облачко. Оно взмыло к потолку, посветлело и лопнуло с тихим хлопком. На плечо здоровяка опустилась крошечная, размером со спичечный коробок, жар-птица. Она склонила голову набок, с интересом рассматривая присутствующих, и вдруг клюнула мужчину в ухо.

— Ай! — вскрикнул тот. — Ты смотри — кусается, зараза, как настоящая.

— Она и есть настоящая. — Юра достал из ящика конторки маленькую клетку и посадил туда птицу. Лицо его было бледным, на лбу выступила испарина.

Да, тяжело приходится тем, кому природа особых способностей не дала, так... мелочи, если сравнивать с эмпатиками-переводчиками, которые работают со мной. Вот те действительно титаны мысли. Я их всех годами выискивал и вылавливал, досадно, что для себя лично использовать не могу. Права не имею. Хотя парочку неоткрытых спецов, вроде Нади, на черный день приберег. И если честно, то я всю жизнь им завидую, даже таким, которые в простых конторах переводчиками вкалывают. Жаль, что мои родители в свое время не попробовали мозговые стимуляторы, изобретенные гениальным Колесником после окончания Второй мировой войны. За день до великого открытия фашистская Германия подписала полную и безоговорочную капитуляцию. На следующий день Колесник подарил миру жизнь без усталости.

Стимуляторы ускоряли мысль и концентрацию в несколько раз, и пользовались ими все, кому не лень: от студентов, которые все сессии сдавали «на ура», и домохозяйек, превратившихся в идеальных жен и матерей, до военных, которые и заказали это изобретение. Только через несколько лет выяснилось, что дети, чьи родители принимали стимуляторы, обладают необычайной способностью к эмпатии: они могут уловить настроение и чувства собеседника и перевести их в визуальный образ.

Стимуляторы быстро изъяли из продажи. Наиболее сильных эмпатиков сразу забрала разведка. Правозащитники подняли крик, тогда на них надавили, приведя неоспоримые доказательства того, что некоторые переводчики опасны для общества и обязаны жить под строгим контролем. Остальные, те, кто послабее, перебивались как могли. На нормальную работу их не брали. Ни один начальник не станет держать сотрудника-эмпатика. Кому нужно, чтобы во время совещания в кабинете появилось изображение секретарши, одетой только в кружевные чулки? Некоторые из переводчиков спились или сошли с ума, некоторые, как Надя, затаились. А такие, как я, ищут спрятавшихся. Учтивая, что дар переводчика передается по наследству, без работы я не останусь.

— Али, — прошептал мой помощник, — может быть, не нужно ее проверять? Мы и так всё уже выяснили, зачем зря людей пугать?

— Всегда есть вероятность того, что информация окажется пустышкой. Кроме того, мне нужно ее подцепить на крючок. А при таком количестве свидетелей она вряд потом отвертится.

Хороший парень, мой помощник Сережа, исполнительный, но звезд с неба не хватает. Зато предан безоговорочно и мне, и работе. Внешность у него настолько выразительная, что никто еще в здравом уме не решился задавать ему вопросы, включая самые безобидные, например: «Который час?»

Терпеть не могу эту часть работы! Противно мне пугать женщину, но выхода нет.

Наконец, подошла моя очередь. Опережая ее вопрос, я протянул руку:

— Меня зовут ли. — И добавил, пока она не переспросила: — Да, именно с таким странным ударением. Мне нужен перевод для моей девушки.

— Сосредоточьтесь на ее образе и закройте глаза. Так будет легче и мне, и вам. — Надя взяла меня за руки. Она сильно устала: лицо бледное, под глазами круги. Это хорошо, будет легче сбить ее с толку.

В моей жизни было много страшных моментов, но я предпочел не вспоминать о них, когда рядом такое количество людей, запертых в стенах бюро переводов. Самым безобидным для окружающих воспоминанием был эпизод из моего далекого детства, когда я играл на берегу моря и меня захлестнуло волной. Она подкралась так незаметно, словно кошка, и...

...я услышал плеск воды и открыл глаза. Одна стена помещения исчезла. Минуту назад там была оживленная, запруженная машинами улица, на которой царил предновогодняя столичная суэта, а теперь вместо улицы разлилось море. Чайки, тревожно крича, кружились над маленькой детской фигуркой. Мальчик играл на берегу. Внезапно он обернулся, посмотрел на меня, и я увидел серьезное детское лицо. Свое детское лицо. А море двинулось навстречу мне. Я и не заметил, как оно подкралось совсем близко.

И тут я услышал первый крик. Люди, замершие было в изумлении, пришли в себя, закричали, прижались к уцелевшей противоположной стене.

— Эта дрянь — сейсмопереводчик!

— Вызовите службу безопасности!

— Спокойно, служба безопасности уже здесь! — Сергей прыгнул и молниеносным, почти незаметным движением ладони по шее вырубил Надю. Она начала оседать на пол. Сергей подхватил ее на руки и понес к машине, припаркованной возле магазина. К сожалению, единственный способ прекратить сдвиг реальности — это вырубить переводчика. Поэтому я ненавижу эту часть работы, если речь идет о женщине.

Я последовал за Сергеем. Несмотря на внешнюю хрупкость, Надя оказалась довольно крепкой девушкой и быстро пришла

в себя. Сергей положил ее на диван в нашем микроавтобусе и заботливо прикрыл пледом. Она села, огляделась по сторонам и с ненавистью посмотрела на меня.

— Меня накрыли пледом, но оставили руки свободными, — в голосе прозвучала издевка, — какая гуманность!

— Наручники и грубо брошенная на каменный пол обнаженная девушка — не мое амплуа, — ответил я и подумал нехвата, почему все женщины в основе своей невыносимо скучны и одинаковы в реакциях. Казалось бы, такая выдающаяся девушка, как сейсмопереводчик, должна хоть чем-то отличаться от остальных. Сейсмопереводчиков назвали этим странным словом потому, что в отличие от других они не просто материализуют мысли. Они сдвигают реальность, буквально снимая с нее пласты, подобно тому, как землетрясение сдвигает кору земли. Это самая малочисленная группа переводчиков. Настолько малочисленная, что многие обыватели считают ее выдумкой, городской легендой. Малочисленная и наиболее востребованная в нашем деле. И не только в нашем. Все, начиная от грабителей банков и заканчивая промышленными шпионами, мечтают заполучить такого специалиста. Но они принадлежат военной разведке, которая цепко держит их в руках. Вернее, я держу их в руках. Правда, нет такого правила, из которого нельзя сделать исключения. И я, давно найдя эту девушку, вычеркнул ее из общих списков. В конце концов, за долгие годы службы мне полагается небольшой бонус.

— Что вы со мной сделаете? — Она пока держится, но голос звучит глухо.

— Заставлю работать на себя.

— А если я не соглашусь?

— У вас нет выбора. — Эту фразу я произношу чаще, чем многие из вас свое имя.

— Я... — Губы ее задрожали.

Начинается. Сейчас пойдут слезы и полтонны носовых платков.

— Давайте перейдем от вводной части к основной, — перебил я ее, не давая расплакаться. — От вас, Надя, мне нужна личная услуга. Обратите внимание на слово «личная». Запирать вас в клетку я не собираюсь. После того как все закончится, отправляйтесь, куда пожелаете. О новых документах и деньгах я позабочусь и лично буду прикрывать, чтобы мои ушлые коллеги не взяли след.

— Так просто? — нерешительно спросила она. — В чем же подвох?

— В переводе, который вы для меня сделаете.

Когда-то в начале своей карьеры я любил аэропорты. Мне нравились суэта, торопливые прощания, радостные объятия, аромат кофе. Вы обратили внимание, что кофе в аэропорту отличается особенным запахом и вкусом? Чуть горше, чуть более пряный — может быть, это вкус расставания? Или новизны?

Мы приехали раньше Маши. Нас было трое: я, Сергей и Надя. Несколько верных ребят караулили снаружи. Они должны были позвонить, когда Маша подъедет к зданию.

Надя нервничала, поминутно облизывая губы, но они тут же пересыхали. А я вдруг с удивлением почувствовал, что еще способен волноваться. Мой мобильник зазвонил.

— Али, — доложил парень из наружного наблюдения, — она подъехала.

— С богом! — сказал я, беря Надю за руку.

— Я вернусь через несколько часов. — Сергей пошел к выходу.

Я закрыл глаза и почувствовал: что-то изменилось. В воздухе, во мне, в Надиной руке, которая вдруг стала мягкой и пушистой. Я открыл глаза и увидел, что держу в руках черную

кошку. У нее были светло-зеленые глаза и тонкий золотой ошейник с подвеской в форме буквы «А» — первой буквы моего имени. В чувстве юмора ей не откажешь!

— Так мне легче привязать себя к твоей реальности, — промурлыкала кошка, заметив мой насмешливый взгляд.

Я совершенно упустил из виду, что Надя не может сохранить человеческий облик в новой реальности, которую она создала из моей мечты, из сна, который я вижу каждую ночь. Но она обязана была находиться рядом. Иногда я думаю: а вдруг обычные кошки — это тоже переводчики?

— Али!

Навстречу мне бежала Маша. Бежала очень смешно, на цыпочках, почти не касаясь тонкими каблучками сапожек скользких плит пола. Каштановые волосы рассыпались по плечам, тонкая черная юбка билась о стройные ноги. Кошка презрительно фыркнула, совсем как настоящая женщина.

Я вздохнул и... пошел Маше навстречу, сначала нерешительно, а потом все быстрее и быстрее. Наконец уткнулся в волосы, пахнущие яблоками. Мы шептались какую-то чушь и целовались.

— Какая прелесть! — Маша погладила кошку. Та немедленно оцарапала ее и отскочила в сторону.

— Она не любит чужих, — пояснил я.

Вы ждете продолжения? А продолжения нет. Смешно — как долго я рассказывал вам о том, что мне пришлось сделать ради нашей встречи. И вы думали, что история будет длиться бесконечно. Но все длинные истории заканчиваются одинаково: встречей главных героев, которые после всех терний пути живут долго и счастливо.

Мы с Машей тоже прожили долго и счастливо. Три часа. Три часа, которых не было в объективной реальности.

Я первый раз в жизни гулял по городу без машины сопровождения, назойливых телефонных звонков, внимательной охраны и неизменного Сергея за спиной. Мы целовались в подворотнях, как подростки, и пили вино, сидя на обледеневшей заснеженной набережной. Я танцевал с ней танго в полупустом ресторане. Нет, не так! Я танцевал!

Но вскоре Надя начала уставать. И я споткнулся, ведя Машу в танце. А лицо официанта вдруг пошло трещинами, словно старинная фреска, и я обнял Машу, чтобы она не увидела, как распадается реальность. Черная кошка, которая все это время была неподалеку, жалобно мяукнула и умоляюще посмотрела на меня.

Я понял, что наступило время прощаться. Там, снаружи, возле несуществующего ресторана, уже стоит машина Сергея, который отвезет Машу домой. Нужно только вывести ее на улицу, чтобы она не увидела, как задрапированные дорогой тканью стены элитного ресторана, превращаются в обшарпанные стены старого гаража на окраине промышленной зоны.

Я посадил ее в машину, но кошка вдруг прыгнула ей на колени.

— Ты не едешь? — испуганно спросила Маша, хватая меня за руку.

— Нет, — ответил я. — Поезжай домой и жди меня там. Я скоро буду.

Вы, женщины, читающие эти строки, знаете ли вы, чего не может вынести мужчина? Я слышу, как вы перечисляете: измена, предательство, равнодушие. Милые мои, наивные мои, ничего-то вы о нас не знаете. Мужчина может перенести все, кроме собственного бессилия в глазах любимой. Иногда мы предпочитаем казаться подонками, этакими флибустьерами, которые играют женщинами и судьбой. Вольный ветер в паруса и семь футов под килем — мы веселы, бесшабашны и

ФАНТАСТИКА

злы. Кто пытается закрыть нас в теплой клетке с ежедневными обедами и отутюженными рубашками? Маленькая хозяйка большого дома?

Пятнадцать человек на сундук мертвеца! Йо-хо-хо и бутылка рома!.. Нам милее крыша из звездного неба и горький запах костра! И жадные объятия случайной подружки из далекого порта! А под пиратской банданой прячется страх, страх бессилия, но мы предпочитаем, чтобы вы, женщины, запомнили нас такими: веселыми, гордыми и злыми.

И мы убегаем от вас, унося с собой слабость, боль и страх, и топим их в бутылке пиратского рома.

Из этой последней командировки я вернулся безголим куском мяса, брошенным в инвалидную коляску и полностью зависящим от своего помощника Сергея. А Маша... она бы ни за что меня не бросила. Она возилась бы со мной, кутала бы в плед и была бы счастлива, что может принести себя в жертву. Я многое видел в женских глазах: страх, вожделие, звездное небо, но я никогда не видел в них жалости к себе.

Сначала я хотел исчезнуть. Но тогда Маша могла бы подумать, что я погиб, и похоронила бы себя заживо: слезы, стихи да вдовьи платки — в ней так много этой чертовой жертвенности. И тогда я нашел Надю, которая перевела мои мечты и сны в реальность. Об этой встрече я мечтал долгими ночами в больницах, когда, пьяный от наркоза, просыпался в послеоперационном боксе. Мечтал в самолете, когда Сергей поднимался по трапу, неся меня на руках.

Завтра я напишу ей прощальное письмо. Я буду резким, злым и даже грубым. Я объясню, что она слишком пресна для меня и я устал от нежностей. Как там у Чехова? «Женщина, которая читала Спенсера и пошла за тобой на край света, невыносимо скучна!»

Я — вольный пират, надо мной развевается черный флаг. Я — лев, который никогда не станет пить воду рядом с ягненком. А Маша? Выплакав горе, она обидится, потом разозлится и в конце концов вычеркнет меня из жизни.

Но она запомнит меня не беспомощным калекой, а сильным, веселым и злым.

И вы, пожалуйста, запомните меня *таким*.

